

УДК 373

Для цитирования: Кучукова З.А. Две мои любимые школы: компаративистика // Научно-методический журнал «Поиск научных решений». 2025. № 1. С. 82–91.

DOI: 10.61077/2949-4818-2025-1-82-91

Две мои любимые школы: компаративистика**Кучукова Зухра Ахметовна**

*(выпускница МКОУ «СОШ №16 им. Фриева Р.М.»
г.о. Нальчик)*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Аннотация. Цель статьи – на примере собственного жизненного опыта и реальных автобиографических фактов показать школьно-образовательный срез эпохи Советского Союза, конкретнее, КБАССР 1960-1970 гг. Методы исследования – «включенное наблюдение», анализ, компаративистика, обобщение. В статье рассмотрены вопросы, прямо и косвенно связанные с разницей между сельской и городской школами, религиозной и светской культурой, ранней профориентацией, билингвизмом, трудотерапией, сильными предметниками, учителями-альтруистами, факторами гендера и этногендера.

Ключевые слова: биография, творчество, взросление, воспитание, становление личности, сельская школа, городская школа, компаративистика.

Two of my favorite schools: comparative studies**Kuchukova Zukhra Akhmetovna**

(graduate of the Municipal State Educational Institution "Secondary General Education School No. 16 named after Friev R.M." of Nalchik)

Federal State Budgetary Institution of Higher Education
"Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Abstract. The purpose of the article is to use the example of one's own life experience and real autobiographical facts to show the school and educational cross-section of the Soviet Union era, more specifically, the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic of the 1960s and 1970s. Research methods are "included observation", analysis, comparative studies, generalization. The article issues directly and indirectly related to the difference between

rural and urban schools, religious and secular culture, early career guidance, bilingualism, occupational therapy, skilled teachers, altruistic teachers, gender and ethnogender factors.

Keywords: biography, creativity, growing up, upbringing, personality formation, rural and urban schools, comparative studies.

Начну издалека. Я родилась 7 октября 1960 г. в семье Ахмета Кучукова и Замхари Жилкибаевой в Казахстане, в Целиноградской области. Само название области говорит о том, что с рождения я была пропитана духом интернационализма, среди целинников были представители практически всех народов Советского Союза. Русский язык я знала хорошо.

Судьба так сложилась, что с шестилетнего возраста я стала жить уже практически на другом боку Земли – в Кабардино-Балкарии, в селении Нижняя Жемтала с дедушкой и бабушкой. Дедушка – Капалау Зулкарнеевич Кучуков. Бабушка – Ногерова Халимат Шешкуровна.

В языковом отношении это было уникальное селение, где большинство людей говорили на трех языках: кабардинском, русском и балкарском (особенно представители старшего поколения). В дедовском доме не было ни радио, ни телевизора, но зато у нас была достаточно богатая библиотека, состоящая из книг духовно-религиозного характера.

Помню, что без хорошо помытых рук даже прикасаться к книгам деда, было запрещено. Теперь уже понимаю, что большинство этих книг были изданы в г. Темир-Хан-Шура (ныне – Буйнакск) в Дагестане. Они были написаны на аджаме (кумыкский язык на арабской графике). Среди них были не только тексты религиозного содержания, но и ближневосточные лиро-эпические поэмы, такие как «Тахир и Зухра», «Лейля и Меджнун», «Сказание об осколке разбитого кувшина», «Сказание о козленке» и т.п. По вечерам соседи часто у нас собирались и слушали эти захватывающие истории в песенном исполнении дедушки. Кумыкский язык был понятен без перевода балкароговорящим людям, но в отдельных случаях дед позволял себе делать паузу комментатора и объяснял суть сложного фрагмента.

Хочется отметить и такой факт: мой дед не только читал-пел, но он еще и писал, в частности, «аптюеки» – подобие методических пособий для своих учеников, хадисы, или просто для себя переписывал любимые отрывки из духовных книг. В дефицитные советские времена интеллигентные мобильные родственники привозили ему черную тушь в склянках и качественные перьевые ручки. У деда был красивый почерк, при письме он пользовался исключительно арабским шрифтом. Если книга становилась ветхой, он отвозил ее в Нальчикскую типографию, где ей дарили новую

жизнь в новом переплете. О благоговейном отношении деда к книге говорит и такой факт: если он в дорогу брал какую-то книгу из своей библиотеки, то обязательно заворачивал ее в «мельте» – специальную хлопчатобумажную ткань, пропитанную воском. В контексте сказанного небольшой анекдот про деда. Как-то я стояла на автобусной остановке в Хасанье с младшим сыном. Подошла родственница и к мальчику обратилась с вопросом: «Азамат, а что делает твой прадедущка?», на что тот ответил: «Он всегда делает уроки!». Суть юморески в том, что Капалау и письменный стол были неразделимы в сознании всех, кто хорошо знал моего дедушку.

Жемталинская восьмилетняя школа. 1 сентября 1967 года я пошла в первый класс. Это была старая добропорядочная одноэтажная школа. Небольшая деталь: зимой она отапливалась дровами, за непрерывность огня в печке отвечал дежурный по классу. Удивительным образом при моей врожденной хорошей памяти я совсем не помню себя, не знающей кабардинского языка! Помню только тот момент, когда директор и учительница при мне стали обсуждать актуальный вопрос: а не передать ли Кучукову в параллельный 1 «А», где преподает балкароговорящий учитель (Ульбашев Билял Магомедович), как вдруг выяснилось, что я вообще-то уже говорю на кабардинском! Этот факт – научное свидетельство того, что есть идеальный возраст для абсолютно необременительного, даже незаметного освоения нового языка: это раннее детство от 5 до 8 лет. Мне просто повезло.

В школе я училась хорошо. Дедовские гуманитарные штудии даром не прошли, я обожала писать сочинения. Читала много, постоянно таскала книги из не очень богатой школьной библиотеки, страдала от того, что дома совершенно не было светских книг, поэтому, наверное, по закону компенсации меня потянуло к русской и зарубежной классике. Два раза в неделю сельский почтальон Жабаги Дохов приносил газету «Пионерская правда» – я воспринимала это как подарок судьбы. Мою любовь к русской словесности сильно поддерживала классная руководительница Нуржан Хизировна Молова – она постоянно готовила меня и отправляла на районные и республиканские олимпиады в пос. Советский (Кашхатау) и г. Нальчик.

Поскольку я жила без родителей (они все это время находились в Казахстане), все жемталинские учителя без исключения окружали меня заботой и опекой. К примеру, Тейбат Газалиевна Оразаева на Новый год шила мне наряды и сооружала корону снежной королевы из картона, ваты и осколков ёлочных игрушек. Моя первая учительница Женя Ильясовна Харзинова настолько меня любила, что даже хотела официально удочерить,

как она впоследствии мне признавалась. Опережая события, отмечу, что в период моей учебы в Москве, она мне даже присылала посылки с фруктами. У кого еще есть такая учительница?

Огромное место в жизни жемталинских школьников занимал физический труд. Во-первых, домашние, хозяйственные дела – таскать воду из родника (позже из крана на краю улицы), бесконечные сады и огороды. Наша школа сильно дружила с орденоносным колхозом «Москва», с его бессменным председателем Магометом Кицбатыровичем Атабиевым. Каждое лето, начиная с 6 класса, при школах официально создавались производственные бригады, и ученики трудились на бесконечных кукурузных плантациях в урочище Кудохурт. Это были не веселые прогулочки с тяпкой в руках. За каждым учеником был закреплен его километровый (если не больше!) длинный участок с колышками с двух сторон, где химическим карандашом отмечена твоя фамилия и попробуй не очисти от сорняков вверенную тебе территорию! Представители комиссии постоянно проверяли «контрольную работу» ученика. Как много сил и слез на это уходило! В такие тягостные дни мою голову всегда сверлила одна мысль: «Эх, а ведь в это время я могла бы учиться играть на скрипке!». Люблю скрипку.

Как проходил наш сельский досуг? Удивительным образом мы, дети, сильно дружили с лесом, который находился совсем близко от нашей улицы, буквально через фруктовый сад и реку Псыгансу (балк. – *Сукан-су*). Веселой гурьбой мы поднимались вверх по лесному массиву, ранним летом собирали щавель, андэгурэ (балк. – *зыка*), черемшу. Позже – алычу, лесные орехи, калину, боярышник, шиповник, мушмулу. Мы, девочки, иногда собирали листья лесной хны (каб. – *пкьынэ*) и красили себе ладошки и ногти.

Топография Жемталы уникальна. С любой высотной точки холмистого леса, напоминающего по своей конфигурации верблюжий горб, мы, как на ладони, видели свои родные дома. Я еще тогда задумывалась, почему в русских сказках вечно дети заблуждаются в лесах? В нижежемталинском, да и в любом кавказском лесу, заблудиться практически невозможно, поскольку наши леса по-своему устройению носят вертикально-диагональный характер: заблудился – просто спускайся вниз – и будет тебе счастье!

Зима была нашей отрадой. Не ведая ни голода, ни усталости, мы могли кататься на санках с утра до вечера. Благо, удобных для этого горок и холмов в Жемтале хватало. Не могу понять, почему в нашем детстве были суровые зимы и куда они теперь подевались? Мой риторической вопрос

предопределен тем, что в суровые дни (каб. – *шылэ*, балк. – *чилле*, крещенские холода) наступали такие морозы, что бабушка прямо в дом, ближе к печке, забирала из скотного двора овцу с новорожденным ягненком на несколько дней, пока малыш не окрепнет. Честно, такое милое соседство меня очень радовало, люблю детенышей.

Из любопытного. Почему-то в наше время среди молодежи было принято воровать яблоки из колхозного сада. При этом у всех домашние сады буквально ломились от изобилия разнородных вкуснейших яблок. Однако некая иррациональная сила заставляла нас проникать в запретное царство колхозного сада, набрать яблок и виртуозно убегать от быстрого сторожа. Адреналин, кураж, удаль – только этими тремя словами могу объяснить наше предосудительное поведение. Возможно, это была потребность кавказского темперамента, ориентированного на вечные квесты с подвигами и приключениями.

Гиперопека, практикуемая современными родителями в отношении детей, нас, жемталинских ребят, наверное, сильно рассмешила бы. Пример. Дед в свое время собственноручно построил высоченные деревянные ворота на пограничье нашего двора. Сверху он еще и добротную жестяную крышу (навес) пристроил, чтоб дерево не сгнило от осадков. Видать, любовь к вертикалям у меня была в генах, и мне где-то в семилетнем возрасте сильно захотелось залезть на эту верхотуру. Я благополучно залезла, с птичьим восторгом поразглядывала открывшиеся виды, но, когда слезала обратно, торчащим гвоздем хорошенько процарапала себе область грудной клетки (шрам остался до сих пор!), но мне даже в голову не пришло пойти поплакаться, пожаловаться бабушке или дедушке. Даже в мыслях такого не было.

Еще один факт на тему ранней самостоятельности детей нашего поколения. Мой родной младший братик Борис (на четыре года младше меня) тоже был оставлен на Кавказе, он проживал у маминых родителей в местечке Тамакла и учился во вторую смену в средней Катукойской школе (это было довольно далеко от нас). Однажды я (четвероклассница) так сильно по нему заскучала, что самовольно, никого не предупредив, пошла вечером в Катукой и забрала его к себе домой. Такова была мера моей персональной самостоятельности и мера безопасности на дорогах сельских поселений.

Завершая жемталинский раздел, хотелось бы назвать имена еще других моих любимых учителей, не упомянутых выше. Это Муаед Литович Казиев (директор, географ), Науруз Талибович Губжоков (физик),

Амирхан Алимурзович Сокуров (математик), Гетагеж Алимурзович Сокуров (кабардинский язык), Нелли Татушевна Мисакова (биолог), Хату Харунович Молов (историк), Алихан Бегиев (физрук), Марьям Жилкибаева, Светлана Молова (пионервожатые).

Хасанья. В 1975 году родители с моим старшим братом Даутом, сестрами Мадиной и Жанной наконец-то вернулись из Казахстана, семья воссоединилась почти в полном составе, и мы переселились в пос. Хасанью (пригород Нальчика). Помню тот день, когда мы поднимались с бабушкой в гору на мотоцикле в сторону Верхней Хасаньи. И он, указывая на розовое здание с правой стороны, сказал: «Ну вот, теперь будешь здесь учиться! Это школа!».

Как бы я до этого не плакала и не горевала из-за расставания с любимейшей Жемталой и одноклассниками, любопытство пересилило, и я вошла в новый для меня мир. Почему-то меня сразу восхитила эта деталь: школа на возвышенности! В этом было что-то глубоко символическое для меня. Таким образом, пришла я в свой 9 «Б» класс.

Первое мое удивление было связано с тем, что в новом для меня классе обнаружили такие фамилии, как Бегиевы, Бозиевы, Жангуразовы (Жемгуразовы), Кудыевы, точно, как и в жемталинской школе. Но те были кабардинцы, а эти – балкарцы. Такой феномен двухполюсных фамилий стал для меня первым уроком взаимосвязанности кабардинцев и балкарцев даже на фамильно-родовом уровне.

Второе мое удивление можно назвать «культурным шоком» и он пришелся на середину октября 1975 года. Руководством школы было объявлено, что в субботу состоится вечер, посвященный «Золотой осени». Всем старшеклассникам было велено прийти на праздник в нарядах красно-желтого цвета. С этим у меня проблем не было. Я надела раритетную ярко-желтую прабабушкину юбку из тончайшего китайского шелка (сохранилась до сих пор, ей не менее 200 лет!). Еще запомнила, как прекрасно на этом торжестве наш талантливый одноклассник Вячеслав Душевский играл на скрипке, кто-то читал стихи про осень, исполнялись соответствующие песни.

Все было хорошо, пока ведущая не объявила танго. Хасаньинские ребята спокойно подходили к девочкам, брали их за талию, те – ребят за плечи, и пары, как ни в чем не бывало, начинали танцевать. Я в этот момент чувствовала себя настоящей «Фросей Бурлаковой» из известного фильма. Мне трудно было поверить, что в балкарском поселке допустим такой смелый, тактильный танец – лицом к лицу, почти в обнимку. Следом

ведущая сказала: «А теперь дамы приглашают кавалеров!» и школьницы, вполне уверенно стали танцевать с избранными партнерами. Так я в Хасанье поняла, что наступила эра женской эмансипации. Бесспорно, тут все объяснялось близостью города. В Нижней Жемтале с ее устойчивыми традиционными ценностями и здоровым консерватизмом мы за линию национальных танцев никогда не выходили.

Третье мое удивление можно назвать гендерно окрашенным. В нашем Жемталинском классе в учебе блистали девочки, от мальчиков как-то и не ожидалось отличных оценок. В Хасаньинской же школе все было до точности наоборот, парни были на голову выше девчат. С нами училась целая плеяда одареннейших юношей – Азрет Токлуев, Ахия Гутаев, Кемал Кудаяев, Хызыр Кудаяев, Марат Умаяев, Магомед Шаваев, Магомед Шаутаев, Жагафар Балаев. При этом они далеко не были «пай-мальчиками», могли хулиганить, драться с девочками, пререкаться с учителями, но при этом на лету схватывали любой сложный материал и гениально излагать свои мысли, особенно по точным предметам. В этногендерном плане также для меня было удивительно, что в школе директорствовала женщина – Асият Масхутовна Хуболова, роль завуча исполняла Майя Хамзетовна Ашабокова. В Жемтале в этих вопросах императив патриархата все еще строго соблюдался.

Разница между сельской и городской школами была колоссальная. В школе №16 (г. Нальчик) чувствовалась близость города, столицы, цивилизации, кинотеатров «Восток» и «Победа». Меня тогда сильно удивляло, что у хасаньинских детей совершенно не было традиции ходить в лес, в отличие от нас, жематалинцев. Никогда не ходили! У них лес ассоциировался только с пастухами и стадом коров. Сейчас-то я понимаю: зачем было детям ходить в лес, если на расстоянии трех автобусных остановок располагался роскошный городской парк, который по площади и красоте занимал пятое место в Советском Союзе.

Возвращаясь к теме цивилизации, отметим, в Хасаньинской школе был вполне себе оснащенный всем необходимым оборудованием спортзал, в Жемтале дети зимой и летом занимались на спортплощадке или в чистом поле за школой. В Жемтале химию и физику постигали только по учебникам, в Хасаньинской школе уже в это время были специализированные кабинеты с реактивами, измерительными приборами и т.д. Навсегда запомнились динамичная, остроумная химичка Серафима Харитоновна и меланхоличная интеллигентка Лилия Григорьевна – учительница по физике.

На мой взгляд, мудрейшие из педагогов самостоятельно без всяких указов свыше, молча занимаются профориентационной работой в своих школах, они понимают, что из «осинки не родятся апельсинки». Я с детства не любила арифметику, а уж алгебра в девятом классе с ее «приведениями» и «факториалами» вызывала у меня настоящий стресс и ментальный ступор. Благодарна нашему математику, интеллигенту с большой буквы Оюсу Назировичу Султанову за то, что он никогда не раздражался из-за моего скудоумия по его предмету, с улыбкой говорил: «Ты – наша поэтесса!» и вытягивал меня на «четверки».

В жемталинской школе почему-то у нас совершенно не было уроков труда. Видимо, все «классные трудодни» автоматически переадресовывались колхозу «Москва». В хасаньинской же школе большое внимание уделялось урокам труда, при этом они разделялись по гендерному признаку и были весьма рафинированными. Мальчики в столярной мастерской учились обращаться со всяким «мужским» инструментарием. У девочек же уроки труда вела милейшая рукодельница Надежда Андреевна. В ее уютном, эстетически красиво оформленном кабинете мы учились шить, вышивать, вязать оригинальные вещи.

В начале 1976 года, когда классная руководительница нашего класса Лидия Михайловна объявила, чтобы завтра все пришли с тяпками, я ужаснулась: и здесь сельхозработы! Но по сравнению с жемталинской запредельно энергозатратной работой, хасаньинскую практику можно было бы назвать увеселительной прогулкой до местной оранжереи, десятью взмахами тяпкой по редким сорнякам и возвращение домой. Жемтала и Хасанья – небо и земля в плане трудотерапии.

Особого внимания в данной хасаньинской эпопее заслуживает личность Якуба Хусейновича Холаева – талантливейшего педагога, историка, изначально стоявшего у фундаментальных основ школы №16. О его строгом нраве и требовательности ходили легенды. Я еще даже не переступила порог школы, когда мне старшие товарищи стали рассказывать страшилки про «демонического Холаева», про то, как «барышни от одного его взгляда на экзамене теряют сознание».

Наконец, в самом начале сентября первая встреча с ним состоялась. Это был высокий худощавый мужчина с большими выразительными глазами и красивой полуседой шевелюрой. На первом занятии он прочитал нам лекцию про суть имперских государств и процесс формирования монополий. Действительно, наш довольно шибутной класс слушал учителя, не

шелохнувшись, почти не дыша. Ему для этого даже делать ничего не надо было, поскольку инъекцией тотального страха уже заранее все были привиты.

Вскоре настал «смертельно опасный» день следующего урока по истории, где учитель уже намеревался послушать учеников. Якуб Хусейнович открыл журнал, посмотрел на фамилии и сказал: «К доске пойдет Кучукова». Класс хором: «Которая?» Он – «Кучукова Зухра». Класс опять: «Которая?» (У нас в классе были две девочки с одинаковыми ФИО). Он тогда изрек: «Пусть выйдет к доске та, которая посмелее!». Я не столько от смелости, но скорее от страха вышла к доске и рассказала обо всем, что знала о монополиях. Он меня похвалил и на удивление всем поставил «пятерку».

У Якуба Хусейновича была своя очень эффективная методика наукометрического контроля учащихся. Для того, чтобы разом побольше учеников охватить опросом, он делал следующее: пока «устники» отвечали у доски, он шестерых сразу сажал за первые парты в классе и давал им письменные задания на 45 минут. Я обожала эти письменные исторические «экзерсисы», всегда сама напрашивалась. Однажды он мне сказал: «Из Вас выйдет хороший писатель!». В итоге Якуб Хусейнович дал мне роль «исторического обозревателя», и я перед началом каждого урока должна была в телеграфном стиле коротко рассказать классу о главных событиях в мире за прошедшие дни. Один раз он экспромтом предложил мне это сделать прямо на общешкольной линейке и я, уже знавшая последние новости по телевизору, рассказывала собравшимся о том, что «население земного шара достигло численности в 4 миллиарда», что «Леонид Ильич Брежнев получил звание маршала» и что «закончилась Вьетнамская война». Кстати, методику интенсивного, синхронного устно-письменного опроса учащихся, перенятую мной от любимого учителя Якуба Хусейновича, я до сих пор успешно применяю в КБГУ на семинарах по зарубежной литературе.

Новеньким всегда сложно сразу адаптироваться к инокультурной среде. Одноклассники ко мне тоже поначалу приглядывались, что, мол, за птица. Некоторым я стала интересна как знаток кабардинского языка, были желающие поучиться у меня хотя бы самым базовым словам и выражениям. Я с радостью их обучала.

15–16 лет – это время первых подростковых влюбленностей. Одноклассники (в особенности, девочки) тайком начали меня просить облечь в стихи их личные, невинные романтические истории с представителями

противоположного пола. Чаще всего это были истории про безответную, неразделенную любовь. Я с легкостью сочиняла такого рода микропоэмы про хасаньинских «Ромео и Джульетт». Они до сих пор хранятся в двух моих блокнотах. Писала я и про всякие школьные события в стиле лиро-эпических репортажей, а также «миниатюры по случаю», в том числе, шуточные.

Как-то об этом стало известно нашей учительнице по русскому языку и литературе – Алиме Магомедовне Альтадоковой. Она попросила показать ей все мои стихотворные опыты и вскоре предложила мне поехать с ней в Союз писателей КБАССР, который располагался в Нальчикском НИИ на улице Пушкина, 18. Этой милейшей молоденькой учительнице совсем не лень было, переходя из кабинета в кабинет, представлять меня таким «литературным китом» как Адам Шогенцуков, Алим Теппеев, Сафар Макитов. «Киты» по-разному реагировали на двух чудачек из Хасаньи: Сафар Макитов из моего рукописного блокнота не захотел читать, попросил ему принести стихотворные тексты, напечатанные на белых листах; Адам Шогенцуков порекомендовал после школы поступать в Литинститут им. Горького в Москве; Алим Теппеев прямо в моем блокноте написал теплые, окрыляющие, напутственные слова. И ведь все сбылось, с легкой руки Алимы Магомедовны и старших товарищей по перу, судьба была мне учиться в аспирантуре Литинститута через пять лет после окончания английского отделения КБГУ.

Но это уже совсем другая история...